

Максимка-шут

Жил-был Максимка-шут, и он был охотник рассказывать особенные рассказы, и его за это любили многие. Из священства, из купцов и так — в ряду крестьянства его многие любили. А шутку так сошутит, себя выжмет, что подумать: это, наверно, правда.

В одно прекрасно время Максимка был на пашне, пахал. И священник поехал на поле, увидел Максимку и заехал к нему: «Максимушка, нашути мне что-нибудь!» — «Ах, батюшка, нашутил бы что-нибудь, да шутка-то дома осталась». — «Сядь, — говорит, — на мою лошадь да съезди за шуткой, а я на рогале посижу да твою лошадь покараулю».

Вот батька сидит на рогале, а Максимка-шут поехал домой по шутку. Максимка-шут приехал к матушке и говорит: «Матушка, у вас батюшка просил триста рублей денег, вот и лошадь — знак». — «На что ему много денег?» — «Да он в другом приходе дом покупат». Матка дает ему триста рублей денег. «Да еще, матушка, он велел нанять, чтоб дом этот разломать». — «Ну, поезжай, я найму». — «Да поскорей, чтоб еще при мне начали».

Матка наняла людей и заставила дом раскатывать. Крышу сдернули при Максимке-шуте. Максимка-шут сел на батькова коня и приезжает к батьку, к сохе. «Что, привез, Максимушка, шутку?» — «Да нет, батюшка, нашутил, да дома осталась, поедете, так увидите».

Батька сел на лошадь и поехал. Батька едет, видит: дом ломают. Вот так сошутит славно Максимка! Приехал, остановил, чтоб больше не ломали. Спрашивает у матушки: «Это зачем вы дом ломаете?» — «Дак Максимка-шут приказал мне по вашему велению! Я, — говорит, — дала ему еще триста рублей денег. Он сказал, что вы дом у другого священника откупаете, и дом велел сломать». — «Дом-то поправим, а деньги-то, что же, пропали наши с тобой»...

Призывает священник к себе своих псаломщиков, дьячка и пономаря, как по старине было, обсудить дело примерно, как с Максимки-шута выручить деньги. Обсудили так примерно: у Максимки-шута есть сестра, так попросить, не отдаст ли он ее в стряпки, заслуживать деньги. И пошли все трое просить сестру в прислуги. Максимка-шут на то и решился, чтоб

заслужить батькины деньги. Спросил сестру, и сестра была согласна. Сказал батюшке: «Я уйду на поле, а сестра уберется и к вам поступит в прислуги».

А Максимка-шут были с сестрой однолицые: на карточки снять, так оба одинакие, нельзя различить. Максимка-шут сестру отправил пахать, а сам оделся в женскую одежду и поступил на место сестры в прислуги сам. Сестра управляет дома хозяйством, а Максимка-шут зарабатывает деньги священнику.

Прожил неделю; приезжат из другого прихода сын священника, и батькова прислуга очень ему понравилась, и он батьку спрашивает: «Не можно ли будет на вашей прислуге соручить брачество — жениться?» Батько спрашивает прислугу, что «вот находится для тебя жених. Не жалашь ли идти за него замуж, а он деньги мне уплатит». — «А почему не так? Лучше, чем жить в прислугах, пойду я в замужество, буду жить в хозяйках, сама себе хозяйка!»

Сын священника уплатил батьке триста рублей и взял его прислугу. Привозит ее домой и заключает своим родителям, что «вот я желаю принять законный брак». Священник много медлить не стал, препятствовать не стал и обвенчал. И после венца пошел у них пир, исправили вечер. Гости были отправлены, а новобрачных повели, по старинному обряду, на ложу под клеть. Когда положили, двери заперли, жених к невесте лобзается, а невеста от жениха все отодвигается. «Что же, душенька, али ты меня не любишь? Ведь ты таперича моя». — «Да я-то твоя, да живот болит у меня. Мне до ветру охота». — «Да куда же я тебя?» — «Да вот, — говорит (дом-то был двоэтажный, а под низом разны овцы, иманы, мусор был наваленный), спусти меня вниз».

Максимка-шут туда спустился и взял привязал за кушак имана за рога. А сам выбрался и — дай бог ноги, убежал домой. Молодой там, сколь ни подождал, попробовал за опояску, потянул, иман кричит: «Ме-ня...» Немножко обождал, потянул, иман опять кричит. Молодой почти в безумстве находится, давай стучать в двери, двери отложили и новобрачного спросили: «Что такое у тебя?» — «Да вот невесту пустил до ветру я, и оказалось: кричит она по-иманьи».

Пошли, двери отворили, а иман привязан на кушаке.

Максимка-шут ушел домой, новобрачный жених, который на Максимке женился, лезет на священника с недобром: «Отдай мне мои деньги обратно! Почему дал фальшивую невесту?»

Священнику хотя и жалко деньги отдать, да делать нечего — отдал. Созывает своих псаломщиков, дьячка и пономаря, между собой обсуждают, что с Максимкой-шутком сделать за эту насмешку: «А что же с ним поделаться — взять бечевку, сделать петлю да и удавить его».

На том и дело решили, что у давить. Взяли петлю и пошли к Максимке-шуту. Приходят, Максимка дома. «Вот, Максимка, выплачивай деньги, а то сейчас тебе смерть — вот на петлю вздернем». — «Да где же, батюшка, я вам возьму деньги? Ведь у меня их нет». — «Ну нет, дак и дела нет! Вот тебе и смерть сейчас!» — «Позвольте, батюшка, мне хоть сходить с Сивком-бурком проститься» .

У него бурый жеребец был хороший, а Максимка-шут был хитрый, он знал свою невзгоду. Он деньги-то, которые у матки взял, все их разменял на серебро да золото и Сивке-бурке [...] впихал. Склал их туда. Когда пошел прощаться, берет чистенькую салфетку, подстилает ему под хвост и зачинат от гривы его гладить: «Сивка-бурка, прости ты меня, смерть на меня...» Зачинает гладить от гривы и до хвоста. Сивка-бурка подымает хвост и зачинат [...] — золото и серебро, только звон идет. Священник с псаломщиком над этим удивились: «Максимушка, отдай нам Сивку-бурку, мы тебя от смерти ослобоним». — «Батюшко, да я вам отдам Сивку-бурку, да как у меня мать с сестрой жить будут без денег, и я с ними мотаться буду?» — «Ну, да ведь тебе жизнь-то твоя дороже, должен же ты уступить нам его! За долг — обязанности». — «Ну, да уж делать нечего — возьмите».

Взяли и повели. Ведут и между собой обсуждают, которому принадлежность вперед будет Сивка-бурка на первую ночь. Ну, батько речь держал, что «мне, что старше всех, и мне должно вперед».

На первую ночь приводит батько к себе Сивку-бурку, заводит в конюшню, поставил к колоде, насыпал овса и дожидает с нетерпеньем утра — идти к Сивке-бурке по деньги. Только чуть занялася заря, священник пошел к Сивке-бурке, взял чистеньку салфетку, подослал ему под хвост. Зачинат от гривы гладить до хвоста. Сивка-бурка оттопырил хвост и начал ему [...], да уж не деньги, а [...]. А священник в потемках радовался, думал, ему гумашки пачками кидают. С радости схватил, руки попачкал, сколь там ни швырял, ни одной монеты не было. Когда взошло солнышко, прибегают к

нему дьячок и спрашивает об Сивке-бурке: «Каково, батюшка, ладно насыпал?» — «Да что, — говорит, — насыпал! Ему звонкую монету, а мне гумашки пачками накидал!»

Берет дьячок, ведет к себе Сивку-бурку, приводит, ставит в конюшню, засыпает овса и дожидается утра. С большим нетерпением проводил ночь, только чуть дождался зорю — взял чистенькую салфетку и пошел к Сивке-бурке. Постилает салфетку под хвост и зачинает от гривы до хвоста гладить. Сивка-бурка оттопырил хвост [...]. Вот приходит к нему пономарь. «Ну, как у тебя, брат, Сивка-бурка?» — «Да что, брат, звонкой монеты нисколько нет, а гумажки пачками накидал».

Тот взял Сивку-бурку и повел домой. Приводит, ставит в конюшню, засыпает овса и дожидается утра. С большим нетерпением проводил ночь, только чуть дождался зорю — взял чистенькую салфетку и пошел к Сивке-бурке. Постилает салфетку под хвост и зачинает от гривы до хвоста гладить. Сивка-бурка оттопырил хвост [...]. «Тогда что же, — говорит, — надо делать? Он деньги-то все им [...]. Надо идти пай получить!»

Приходит пономарь к дьячку: «А ну, брат, давай мне пай денег, а то Сивка-бурка все вам [...]!» — «Ну, брат, да ведь и у меня так же, как и у тебя. Ну, пойдём к священнику, у него свой пай просить». — «А ну-ка, батюшко, давай нам пай, Сивкабурка надать тебе все деньги [...]!» — «Да ведь и у меня то же! Теперь что же мы будем с ним делать?» — «Да что: возьмем большой куль, посадим его в куль, унесем в прорубь да и утопим».

А Максимка-шут знал свою невзгоду, что ему будет. Он взял бычий пузырь, начинил кровью и подвязал жене под левый бок. «Ой, батюшка, дайте мне-ка :хоть пообедать, тажно меня уж сытого и топите». — «Ну-ну, пообедай». — «Давай, жена, ись скорее! Смерть моя близко пришла». — «Давно тебе, собаке, пора, да все по белу свету таскаешься!»

Наливает миску штей и несет ко столу, сама ругается. Только миску на стол поставила, он ее хоп ножиком по боку. Жена Максимки-шута упала, и кровь полилась из нее.

Батько призашел в большой ужас от этого, что жену зарезал при священнике. И обсуждают между собой: «Вот какой ужас! Мы хотели его утопить, а он жену зарезал». — «Врешь, — говорит, — у нас не так. Есть плетка-оживитка, оживит тебя».

Выскакивает на двор, плетка была уж на спичке приготовлена, подбегает к своей жене с плеткой и бьет ее: «Раз, два, три — соскакивай ты!»

Жена соскочила, побежала в особенную комнату, кровавое платье с себя сбросила, надела свежее, и зачала на стол подавать разные кушанья, и убрала весь стол разными блюдами.

Священник над шутком удивился, что он над женой выделывает. И пригласил священника со своим причетом пообедать. Стали обедать, и Максимка-шут завел речь: «Вот с такой женой иначе этого и поступать нельзя. Только этим и живу с ней».

Батьку понравилось, что интересно с женой обращается, и говорит: «Максимушка, ты мне отдай эту плетку и ножичек, мы тебя за это от смерти освободим». — «Ну, да уж делать нечего, когда от смерти освобождаете, отдам».

Идут и между собой обсуждают, кому наперед. Наперед священнику. Приходит, вешает плетку на спичку, заходит в комнату и просит у жены обед. Матка заставляет подавать обед прислугу. «Да ну, не хочу я от прислуги! Хочу, чтоб сама подала!» Матка только подходит с миской ко столу и едва успела поставить, как батька ее хоп ножиком по боку. Матка упала, и кровь полилась. «Врешь, у нас не так! Есть плетка-оживитка, оживит тебя!» Притащил плетку: «Раз, два, три — соскакивай ты!»

Она как лежала, так и лежит! Он повторил плеткой в другой раз, а она все лежит да лежит. Повторил и в третий раз — и она все лежит! Тогда батька одумался: «Что же я и сделал? Жену-то зарезал». Убрал, кровь сотер. Прибегает дьячок за ножичком и за плеткой.

Дьячок пришел домой, повесил плетку на дверь, заходит в комнату и садится к столу и просит у жены обед. Жена с ворчаньем на прислугу: «Прислуга, наливай, пробегался где-то, ись захотел!» — «Да не хочу, чтоб прислуга, хочу, чтоб сама подала!» Только поставила миску на стол, дьячок ее хоп ножиком по боку. Жена упала, и кровь полилась. «Врешь, у нас не так! Есть плетка-оживитка, оживит тебя!» Притащил плетку: «Раз, два, три — соскакивай ты!» Она как лежала, так и лежит! Он повторил плеткой в другой раз, а она все лежит да лежит. Повторил и в третий раз — она все лежит. Стал следствовать — она уже богу душу отдала.

Является скоро и пономарь за плеткой и ножиком. Пришел домой, повесил плетку на дверь, заходит в комнату к столу и просит у жены обед. Жена с

ворчаньем на прислугу: «Прислуга, наливай, пробегался где-то, ись захотел!» — «Да не хочу, чтоб прислуга, хочу, чтоб сама подала!» Только поставила миску на стол, пономарь ее хоп ножиком по боку. Жена упала, и кровь полилась. «Врешь, у нас не так! Есть плетка-оживитка, оживит тебя!» Притащил плетку: «Раз, два, три — соскакивай ты!»

Она как лежала, так и лежит! Он повторил плеткой в другой раз, а она все лежит да лежит. Повторил и в третий раз — и она все лежит. Стал следствовать — она уже богу душу отдала.

Потом приходит к дьячку: «Ты, брат, ничо не знашь, ведь я свою жену-то зарезал, должно — не по месту попал». — «Да ну, ведь и я, видно, не по месту попал — ведь и я зарезал». — «Да ты пошто же мне-то не сказал, что свою зарезал». — «Ишь ты, брат, ты с женой будешь, а я без жены, дак пущай же у обоих не будет!» — «Ну, давай, пойдём к священнику».

Приходят к священнику, объясняют свою обиду, что жен зарезали. «Да ведь и я свою-то зарезал!» — «А вы пошто, батюшко, нам не объяснили?» — «Да! Вы будете с женами, а я холостым буду, пущай же все поровну будет. Ну, теперь уж безо всяких отговорок давай Максимку утопим в проруби».

Взяли куль и отправились к Максимке-шуту. Приходят, надевают на него куль и несут его топить в прорубь.

А около проруби близко был проезжий тракт — зимний. Прорубь была рассечена мало, Максимка-шут туда не влазит. Священник говорит: «У меня есть пешня, я побегу по пешню». А дьячок говорит: «У меня есть лопата». А пономарь говорит: «У меня есть сак».

И все трое убежали. Максимка-шут лежит в куле и поет свое:

Всяк меня знает,
Всяк меня боится!

И кричит громким голосом, чтоб слышно далеко было. На ту беду или на его фарт ехал начальник с кучером: «Кучер, поди-ка посмотри, что за чудо у проруби?» Кучер подъезжает к Максимке-шуту и спрашивает его: «Кто тут такой?» — «Да я, Максимка-шут!» — «А ты что тут делаешь?» — «Да вот с попом шутку шутю на триста рублей. Покуль он домой сбегат, чтоб тут в куле очутился другой! Полезай-ка на мое место — половина денег твоя».

Кучер развязывает ему куль на ногах. Максимка выскакивает, кучера запихивает в куль, куль завязал так же, как был завязанный. Сам подбегает, садится на козлы и поехал с барином, а кучер в куль остался.

Подбегает священник с пешней, дьячок с лопатой, пономарь с саком и начинают разбивать прорубь ширьше, чтоб Максимка-шут вошел. Прорубь раздолбили и Максимку-шута ту да посадили. А на место Максимки туда ушел кучер.

Вот они от проруби пошли и рассуждают: «Заберем теперь все Максимкино имущество, отберем его жену и сестру». Отошли не очень далеко, а Максимка-шут катит на тройке-конях. «Здравствуйте, батюшко!» Они смотрят на него, а он начальника уж осадил на земской фатере. «Ты откуль взялся?» — «Ну, батюшко, да в проруби-то буры да кауры, там еще двенадцать троек осталось, рысаки да иноходцы в проруби-то. Ну вот, коли хотите, дак воротитесь да себе по тройке и захватите, за мной-то!»

Вот они и вернулись все трое, батько нырнул вперед, чтоб получше тройку захватить. Когда ушел на дно, так оттуда только пузыри отдались — буры да кауры! А дьячок за ним поторопился — он там самолучших выберет, надо поскорее! И пономарь много не мечтал, тоже на головку в прорубь встал...

А Максимка-шут и сейчас живет да поживает и ребятушек себе наживает.

(Зап. в с. Анга Иркутской губ., в 1915 г.)

Русские народные сатирические сказки Сибири. Сост. Н. В. Соболева.
Новосибирск, 1981.